

«Социалистическая индустрия»,
г. Москва, 31 де-
кабря 1970

Елка

В вагоне

М. ЖАРОВ,
народный артист СССР

— Это, пожалуй, произошло задолго до того, как я стал читателем «Социалистической индустрии». Впрочем, в ту пору не только газеты с таким названием, но и самой социалистической индустрии еще не было. Я хочу рассказать о событии, которое про-

красавцы?—спросил команд-
арм.

От болезни и усталости на нас лица не было, и, узнав, кто мы такие, командарм распорядился, чтобы нас накормили, и при этом добавил:

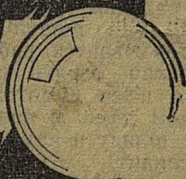
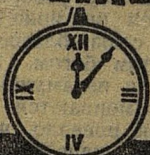
— Одеть их, чтобы похожи были на артистов.

Нам сшили две кожаные куртки, галифе и выдали сапоги. А затем спустя несколько дней санитарный поезд вез нас в Челябинск. По дороге выяснилось, что наш театр — в Екатеринбург, ныне Свердловске.

Мы приехали в Екатеринбург в десять часов вечера 31 декабря. Несмотря на военное время, в городе готовились к встрече Нового года. А нам, уставшим от хождения по незнакомому городу, судя по всему, предстояло встречать Новый год на вокзале. И уже потеряв всякую

ИНТЕРВЬЮ

**Только
один вопрос! Новый год!**

Ваша памятная встреча?

изошло в памятной для меня юности, в годы гражданской войны.

Это было на Урале. Я был артистом первого фронтового передвижного художественного театра классической комедии. На полустанках, в городах, поселках, где размещались части Красной Армии, в агитпунктах и на вокзалах мы показывали красноармейцам и командирам «Немую жену» Анатоля Франса и «Проказы Скапена» Мольера, читали стихи. Я читал Маяковского «Разворачивайтесь в марше» и «По морям играя носится с миноносцем миноносца».

Наш фронтовой театр передвигался вслед за наступающей 5-й армией, которой командовал М. Н. Тухачевский. Мы приезжали в города, освобожденные от Колчака. Здесь свирепствовали болезни. Например, в Уфе был вывешен черный флаг—знак карантина. Здесь бушевал тиф.

Первым среди наших товарищей заболел Толя Мирский. Он великолепно играл на гитаре и совершенно изумительно пел. Если бы он выступал на эстраде, то, наверное, имел бы большой успех.

Так вот, заболел Толя, а потом и я. Тиф — препротивнейшая штука. Девять дней я был без памяти, а когда пришел в себя, врачи обнадеживающе сказали: «Будет жить».

Когда Толя и я выписались из госпиталя, мы ломали голову, где же теперь искать своих товарищей. Вышло так, что в поисках их расположения мы пришли в штаб армии и здесь нас увидел М. Н. Тухачевский.

— Бог мой, откуда такие

надежду найти своих товарищей, мы вошли в комнату диспетчера вокзала. Здесь было накурено и многолюдно. На нас никто не обращал внимания. И только один из присутствующих — он сидел за столом и прикрывался газетой — спросил:

— А вы кто будете?

— Мы — актеры.

— Как ваши фамилии?

Почувствовав что-то неладное, мы все-таки представились.

— Так, значит, актеры? — переспросил собеседник.

— Да!

— Нет! Сукины дети вы, а не актеры! Позор!.. Ай-ай-ай! Какой позор! — и тут говорящий опустил газету, и мы узнали нашего режиссера Владимира Тодди.

А потом мы пошли к нашим. Коллектив театра жил в поезде, в котором был даже вагон-ресторан. В нем, сервированный закусками той поры, стоял стол с белоснежной скатертью, а на нем два прибора, предназначенные, как выяснилось, специально для нас с Толей Мирским. И, конечно, стояла елка.

Так вот мы попали с корабля на бал. Ровно в полночь мы подняли бокалы и выпили за победу. Это было в наступающем новом 1920 году.